

Русскіе въ Лапландіи въ XVI вѣкѣ.

Предлагаемый ниже любопытный, по нашему мнѣнію, документъ историко-географическаго характера, представляетъ собою переводъ сообщенія одного голландскаго купца XVI вѣка о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ о Лапландіи и прилегающихъ къ ней странахъ въ теченіе періода времени приблизительно около 20 лѣтъ (съ 1566 по 1588). Текстъ документа напечатанъ въ „Büsching's Magazin für die neue Historie und Geographie“, Halle, 1773, Т. VII, S. 339—346, изданіи достаточно извѣстномъ, и потому, казалось бы, едва ли можетъ заключать въ себѣ какой-либо новый историческій матеріалъ, особенно если мы замѣтимъ, что онъ цитируется даже въ „Путеводителѣ по Сѣверу Россіи“, составленнымъ въ 1898 году г. Островскимъ для туристовъ! И тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что опубликованіе сообщенія Симона ванъ-Салингена (такъ назывался этотъ голландскій купецъ) цѣликомъ въ русскомъ переводѣ будетъ не лишено нѣкотораго интереса для русской исторической науки. Дѣло въ томъ, что этимъ документомъ пользовались, на сколько намъ извѣстно, всего только двое ученыхъ: Гамель (см. его „Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ“) и профессоръ университета въ Христіаніи Фрисъ (см. его историческій романъ „Klostret i Petschenga“, переведенный почти цѣликомъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1885 годъ, №№ 7 и 8), которые притомъ оба взяли изъ этого чрезвычайно богатаго содержаніемъ источника лишь отдѣльные эпизоды; наши же изслѣдователи, статьи и сочиненія которыхъ по своему содержанію непосредственно примыкаютъ къ названному источнику, повидимому совершенно не знали о его существованіи. Чтобы не быть голословными, укажемъ, напр., такой фактъ. Въ нашемъ документѣ приводится, между

прочимъ, разсказъ о возникновеніи Печенгской обители въ Русской Лапландіи, записанный со словъ самого основателя монастыря, преподобнаго Трифона; всѣ же наши ученые, касавшіеся разбора біографическихъ данныхъ объ этомъ святомъ, какъ-то Шестаковъ («Трифонъ и Θεодоритъ, просвѣтителіи Кольскихъ Лопарей», „Журн. Мин. Народн. Просв.“ 1868, іюль), Ключевскій («Древнерусскія житія Святыхъ, какъ историческій источникъ», стр. 337), Яхонтовъ («Житія Святыхъ сѣвернорусскихъ подвижниковъ Поморскаго края, какъ историческій источникъ», стр. 127—135), всѣ упоминаютъ въ качествѣ единственнаго своего прямаго источника несомнѣнно гораздо менѣе надежный матеріалъ, а именно житіе святого Трифона, написанное въ XVIII вѣкѣ, т. е. лѣтъ черезъ полтора, двѣсти послѣ смерти преподобнаго. Но если разсказъ Трифона остался неизвѣстнымъ для русскихъ историковъ, имъ, по крайней мѣрѣ, воспользовался иностранный ученый Фрисъ. Этой оговорки нельзя, однако, сдѣлать относительно другихъ частей нашего документа, остающихся до сихъ поръ никѣмъ не утилизированными. Между тѣмъ, приведенныя въ немъ свѣдѣнія о торговлѣ Голландцевъ съ Россіей во времена Іоанна Грознаго, о возникновеніи Кольскаго и Печенгскаго монастырей, о какомъ-то тогдашнемъ русскомъ философѣ, жившемъ на берегахъ Бѣлаго моря, изобрѣвшемъ особый алфавитъ для корельскаго языка и написавшемъ исторію Корелии и Лапландіи, о размѣрахъ новгородскихъ владѣній въ эпоху присоединенія Новгорода къ Москвѣ, о войнѣ между Россіей съ одной стороны, Швеціей и Норвегіей съ другой, изъ-за Корелии, о посылкѣ первыхъ воеводъ въ Лапландію, объ управленіи этою послѣдней страной сборщиками дани съ перечисленіемъ ихъ именъ, — всѣ эти свѣдѣнія заслуживаютъ быть приведенными въ связь съ извѣстными уже фактами изъ русской исторіи. Сказаннаго, думается, достаточно для того, чтобъ оправдать помѣщеніе упомянутаго документа на страницахъ „Литературнаго Вѣстника“, имѣющаго главной задачей предохранять отъ забвенія всякіе письменные источники знаній о нашемъ отечествѣ. Переводъ мы сочли небезполезнымъ снабдить нѣкоторыми примѣчаніями, въ надеждѣ, что они, быть можетъ, дадутъ нѣкоторыя точки отправленія для дальнѣйшаго изслѣдованія предлагаемаго документа¹⁾).

¹⁾ Всѣ скобки въ текстѣ принадлежатъ переводчику и заключаютъ въ себѣ или слова, добавленныя для большей ясности перевода, или подлинныя выраженія оригинала.

Сообщеніе Симона-ванъ-Салингена.

de Ao. 1591.

о землѣ Лопіи, какъ въ 1562, 63, 64 и 65 гг. къ ней плавали изъ Нидерландовъ, и насколько, при прибытіи Симона ванъ-Салингена, она была застроена, и въ какомъ видѣ онъ ее нашелъ, и какъ впоследствии развилось мореплаваніе и, благодаря коммерціи, она стала обстраиваться.

Одинъ молодой человекъ, родомъ изъ Olthiens-
plaet ¹⁾ въ Зеландіи (Sehandt), по имени Филиппъ
1562 — 4. Винтерконигъ, служилъ первоначально у Эрика
Мунка ²⁾, который въ 1562, 1563 и 1564 гг. былъ
фогтомъ крѣпости Вардегуса ³⁾. Частью добровольно,
частью по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ
покинулъ Эрика Мунка и отправился въ Антверпенъ къ Яну
ванъ-Рейде и Корнелиусу де Мейеру Симонсену изъ Мехельна ⁴⁾.
Они съ упомянутымъ Винтерконигомъ вошли въ соглашеніе,
что будутъ ежегодно отправлять въ Бергенъ судно (на немъ
шкиперомъ состоялъ Гердтъ Янсенъ Нозсъ, а называлось
судно „Лебедь“), а изъ Бергена въ Вардегусъ, куда въ то
время, кромѣ яхтъ изъ Бергена и Дронтгейма, не ходило
никакихъ другихъ судовъ.

Пока Эрикъ Мункъ былъ тамъ фогтомъ, монахи,
какъ Трифонъ ⁵⁾ (Triffaen), построившіе за нѣ-
1564. сколько лѣтъ передъ тѣмъ монастырь въ Монке-
фортѣ ⁶⁾, пріѣзжали продавать рыбу, ворвань и
прочее сырье, добытое ими за зиму и лѣто. Въ 1564 г.
Филиппъ Винтерконигъ, предполагая, что Эрикъ Мункъ про-
должаетъ управлять Вардегусскимъ округомъ, отправился
изъ Антверпена на антверпенскомъ суднѣ, по имени „Латин-
скій Баркъ“, шкиперомъ котораго состоялъ Юганъ Виссхеръ,
а штурманомъ Гансъ Лоффъ изъ Мехельна; теперь они въ
первый разъ отправились кругомъ Норвегіи прямо въ Вар-
дегусъ, а когда прибыли туда, то нашли тамъ вмѣсто него
(т. е. Мунка) новаго фогта округа, Якова Гансена, который
заключилъ Филиппа Винтерконига со шкиперомъ и штур-
маномъ въ тюрьму, обвинилъ ихъ въ нарушеніи привилегій
жителей Бергена и Дронтгейма и Бергенской Конторы и,
отнявъ поэтому у заключенныхъ судно и грузъ, сказалъ имъ,
что они будутъ подвергнуты смертной казни.

Вотъ, когда заключенные просидѣли нѣкоторое время,
Богъ даровалъ хорошей промысловый годъ: Лопари, Норвежцы
и монахи напромышляли столько, что для перевозки рыбы въ
Бергенъ нельзя было достать ни одной яхты, ни одного корабля.
Поэтому упомянутый Яковъ Гансенъ условился съ заклю-
ченными, что они отправятся съ нимъ въ Бергенъ и отве-
зутъ туда рыбу, принадлежавшую ему или Его Королевскому

Величеству, давши клятвенное обязательство не являться больше торговать сюда безъ вѣдома и противъ воли жителей Бергена и Дронтегейма и Бергенской Конторы и проч. Такъ и было сдѣлано, а потому заключенныхъ освободили и они отправились съ рыбою, принадлежавшей или Его Королевскому Величеству или фогту, въ Бергенъ, гдѣ шкиперу былъ даже уплоченъ фрахтъ за перевозку туда этой рыбы.

Когда Филиппъ Винтерконигъ (по выходѣ) изъ тюрьмы показался въ Вардегусѣ, и монахи изъ Монкефорта услышали, что онъ принужденъ былъ дать клятву въ томъ, что никогда больше не станетъ торговать здѣсь, они уговорились съ нимъ, что онъ явится въ Монкефортъ, въ фюрдъ, гдѣ къ его прибытію на слѣдующій годъ они соберутъ всю рыбу (т. е. треску), семгу, ворвань и прочее сырье.

Въ слѣдующемъ, 1565 году Янъ ванъ-Рейде и Корнелиусъ-де-Мейеръ Симонсенъ подтвердили свое товарищество или общество и приняли къ себѣ въ компанію: Иоганна де Герре, и Филиппа Дауси изъ Антверпена, уроженца Брюгге, энкгюйзенскаго ⁷⁾ бургомистра Иоганна Вестермана съ сыномъ, Вильямомъ Янсеномъ Вестерманомъ, а также Филиппа Винтерконига и штурмана Ганса Лоофа, произведеннаго въ шкипера, и общество или компанія эта была наименована: Иоганнъ ванъ-Рейде, Корнел. де-Мейеръ Симонсенъ и К^о.

Объ этомъ они дали знать бургундскому двору и правителямъ, состоявшимъ тогда при герцогинѣ Пармской губернаторами въ 17-ти провинціяхъ ⁸⁾, и получили на это свидѣтельство и разрѣшеніе плавать въ сѣверныя страны и заходить во всѣ сѣверныя и восточныя гавани до Москвы по патентамъ испанскаго короля за королевской подписью и большою печатью, въ которыхъ по латыни, по французски и на верхне-германскомъ нарѣчій излагалась къ правительствамъ всѣхъ странъ, куда бы они ни попали, просьба снабжать ихъ за малое вознагражденіе судами, повозками, лошадьми, штурманами и нужными людьми. И, назначивъ Филиппа Винтерконига на четвертое мѣсто въ товариществѣ, упомянутая компанія отправила его на вышеназванномъ суднѣ, хорошо снабженномъ оружіемъ и всѣмъ проч., въ Вардегусъ, чтобы взять тамъ штурмана и отплыть съ нимъ въ Монкефортъ, такъ какъ онъ и за то получилъ плату, хотя это было и противъ воли фогта крѣпости, Якова Гансена.

Этотъ Винтерконигъ, нагрузивъ въ Монкефортѣ судно рыбой, ворванью, семгой и прочими товарами, отослалъ его обратно къ своимъ сотоварищамъ, а самъ зафрахтовалъ русскую лодью (Lodie) съ 13-ю русскими работниками и нагрузилъ ее оставшимися товарами, чтобы съ ними отправиться къ Св. Николаю ⁹⁾, а потомъ въ Москву. Когда они проходили къ востоку отъ Кильдина ¹⁰⁾ у Териберскаго Носа (Tiber

Nes), то, по причинѣ противнаго вѣтра стали тамъ въ бухтѣ ¹¹⁾ на рейдѣ. За ними пришла туда еще одна русская лодья съ разными русскими товарами, которыми они хотѣли торговать съ Винтерконигомъ, что и сдѣлали; и когда русскіе увидали драгоценные товары Винтерконига, ихъ обуяла жадность, и они въ ночное время напали на монастырскую лодью, въ которой находился Винтерконигъ со своими товарами, и перерѣзали спавшихъ 13 русскихъ и, кромѣ того, троихъ слугъ Винтерконига; самъ же Винтерконигъ, тоже тяжело раненый, проснулся, но хотя и убѣжалъ на берегъ, за деревомъ былъ убитъ изъ самострѣла (mit einer Phlitzten). Затѣмъ монастырскую лодью пригнали къ берегу и когда, разграбивъ всѣ товары Винтерконига, какіе только могли погрузить, убійцы намѣревались приступить къ погребенію 17-ти труповъ, туда зашла еще другая лодья. Тогда испуганные убійцы отплыли оттуда съ добычей, оставивъ на берегу 4 оксофда (Oxenheubte, т. е. около 1000 литровъ) вина, разныя матеріи и проч. товары, которыхъ не могли погрузить, благодаря чему это убійство и обнаружилось. О немъ дано было знать холмогорскимъ ¹²⁾ властямъ, которые вскорѣ прислали сюда людей съ писцами разслѣдовать и описать все дѣло.

Компанія же, ничего не зная объ этомъ убійствѣ, отправила къ Винтерконигу, вскорѣ послѣ отплытія большаго судна, еще два корабля съ всѣми товарами, о которыхъ онъ писалъ. Корабли эти пришли въ Монкефортъ еще той же осенью. Одинъ изъ нихъ монахи поспѣшно отправили назадъ въ Антверпенъ извѣстить компанію объ убійствѣ и грабежѣ, учиненномъ надъ Винтерконигомъ и его людьми, а другой съ Корнел. де Мейеромъ Симонсеномъ и Еминомъ Ниландсомъ отправили съ однимъ изъ своихъ штурмановъ въ Мальмусъ ¹³⁾ и предписали тамъ зимовать. Когда корабль пришелъ въ Мальмусъ, тамъ было не болѣе трехъ домовъ ¹⁴⁾, въ которыхъ жили: одинъ, извѣстный въ ту пору подъ именемъ Семена Венсина ¹⁵⁾ (Simon Wensin), но теперь, такъ какъ онъ сталъ теперь монахомъ, онъ зовется Сергіемъ Венсинымъ (Sergeii Wensin), и онъ же строитель (ein Stifter) монастыря Петра и Павла ¹⁶⁾ въ Мальмусѣ и проч., и Фила Усъ (Filla Ous), и самый старшій изъ Мокроуса (der elteste von Mokrous), и проч., и всѣ они убѣжали въ лѣсъ, какъ только увидали судно. Много дней никто не показывался, пока наконецъ, не отыскалъ ихъ монастырскій штурманъ, приведшій наше судно въ Мальмусъ; онъ объяснилъ имъ, что мы народъ благочестивый, честный, и затѣмъ уговорилъ ихъ придти къ нашимъ людямъ. И вотъ, когда жители явились къ нашимъ людямъ, они послали вмѣстѣ съ нашими людьми къ сборщикамъ податей Василию Алексѣеву ¹⁷⁾ и Давиду Каницу ¹⁸⁾ (Schatzleuten Wassilie Alexei und David Kanize), которые были тогда сборщиками податей со всей Лапландіи и

жили въ Кандалакшѣ ¹⁹⁾ (Candelax), приглашеніе прибыть тотчасъ же къ Корнел. де Мейеру Симонсену для подачи имъ жалобы на жестокое убійство, и Корнел. де Мейеръ вызвался съѣздить въ Москву съ жалобой на убійство, что и состоялось, и далѣе объ этомъ писать нѣтъ надобности.

Вышеупомянутая же компанія въ слѣдующемъ, 1566 году, отправила въ Монкфортъ и Мальмусъ **1566.** Симона ванъ-Салингена, состоявшаго бухгалтеромъ компаніи еще съ двумя судами для веденія тамъ торговли внутри страны, въ надеждѣ вернуть убытки. И Симонъ ванъ-Салингенъ благополучно прибылъ той же весной въ Монкфортъ и вытребовалъ къ себѣ туда и то судно, которое оставлено было Корнел. де Мейеромъ, такъ какъ въ Мальмусѣ въ ту пору грузить было нечего. Затѣмъ Симонъ ванъ-Салингенъ нагрузилъ всѣ 3 судна въ Монкфортѣ и Кибергѣ ²⁰⁾ (Keerwagh) такимъ количествомъ рыбы, ворвани, семги и прочихъ товаровъ, какое можно было достать, и зафрахтовалъ у монаховъ двѣ лоды для перевозки остальныхъ товаровъ, съ которыми онъ хотѣлъ въ зимнее время попробовать пробраться внутрь страны, въ Мальмусъ, куда и прибылъ благополучно. И вскорѣ послѣ его прибытія въ Мальмусъ, Корнел. де-Мейеръ вернулся обратно изъ своей московской поѣздки: онъ былъ остановленъ въ Новгородѣ; его не хотѣли пропустить потому, что въ его свидѣтельствѣ титулъ Великаго Князя былъ прописанъ не достаточно полно, но Корнел. де-Мейеру сообщили, что посадникъ (der Oberiste) новгородскій былъ подкупленъ англійской компаніей и друзьями убійцы—не пропускать его, чтобы такимъ образомъ жалоба на это убійство не дошла до Великаго Князя, и чтобы не возникло бы для англичанъ какого-либо препятствія ихъ торговлѣ у Св. Николая, начатой за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. И вотъ, когда Корнел. де-Мейеръ пріѣхалъ къ Симону ванъ-Салингену, оба они переодѣлись въ русское платье, взяли нѣсколько человекъ русской прислуги и съ одной лодкой отправились въ Кандалакшу, потомъ на другой лодкѣ по морю черезъ Кереть ²¹⁾ (Keretti), Кемь ²²⁾ (Kieni) и Шую ²³⁾ (Zuuen), оттуда въ Онегу (On), а затѣмъ Каргопольскимъ трактомъ добрались до Москвы, гдѣ оба они явились къ Степану Твердикову ²⁴⁾, который бывалъ у нихъ въ Антверпенѣ для Великаго Князя. Это было въ самомъ началѣ опричины (Ufrissing), когда во всей Московской и Новгородской области царилъ страшная тиранія; но Твердиковъ объяснилъ Корнел. де-Мейеру и Симону ванъ-Салингену, что имъ не хорошо было бы излагать свое дѣло Великому Князю при такихъ обстоятельствахъ, равно какъ и потому, что они пріѣхали, никого не предупредивши, тайнымъ путемъ въ русскомъ платьѣ. Поэтому они принуждены были удалиться изъ

Москвы въ Новгородъ. Де-Мейеръ съ докторомъ Адрианомъ Блоккеномъ изъ Leuens Pass выѣхалъ изъ Новгорода въ Нарву, а Симонъ ванъ-Салингенъ занялся въ Новгородѣ торговлей жемчугомъ, драгоценностями и деньгами, которыя онъ имѣлъ съ собою, и уговорилъ многихъ торговцевъ воскомъ, льномъ, кожей и юфтью (Bockleder) привезти ему эти товары въ Суму ²⁵) (Soema) и Шую (Zityen), а самъ почтовымъ трактомъ вернулся въ Мальмусъ забрать всѣ свои матеріи, перецъ, оловянные издѣлія и проч. товары и привезти ихъ въ свою очередь новгородскимъ купцамъ, что и было

сдѣлано. Такимъ образомъ, онъ, Салингенъ, въ 1566 и 1567 г.г. изъѣздилъ всю страну, осенью и

1566—7 весной на лодкахъ, зимою же на саняхъ, (запряженныхъ) въ Лапландіи оленями, а въ Корелии и Россіи лошадьми. И слѣдовательно, двѣ зимы подрядъ до весны 1568 года онъ провелъ по большей части съ купцами въ деревняхъ или мѣстечкахъ

1568 Сумѣ (Somma), Шуѣ (Zuyen), Кеми (Kigin), имѣлъ у себя на службѣ нѣсколькихъ работниковъ изъ русскихъ и кореловъ, дружилъ какъ съ началь-

никами и старшинами деревень, такъ и съ попами, угощался съ ними, а также часто бывалъ приглашаемъ къ нимъ на совѣщанія, благодаря чему часто былъ осведомленъ о мѣстныхъ дѣлахъ Корелии и Лопіи; а также (о томъ), что за война происходила изъ-за Новгорода и обладанія имъ, какая затѣмъ, при завоеваніи Корелии, воспослѣдовала битва между Москвитами и королями Швеціи и Норвегіи, (пришедшими) изъ Восточной Финляндіи, Швеціи и Норвегіи, и проч.

Жители Кеми, очень старый человекъ Алексѣй Васильевичъ и проч. (Alexeia Wasiliowitz etc.), Поцолой ²⁶) и пр. (Potsoloy etc.) изъ Шуи (Zuyen), Василій Фоттравъ ²⁷) (Fottrau), также весьма старый человекъ, старикъ Кошлаковъ (Kosslakowsche), имѣвшій 3 сыновей Хакслента (?), Ивана и Михайлу Кошлаковыхъ (Chaxlenta, Ivan und Michayloe Kosslakow), изъ коихъ младшему было 30 лѣтъ, и Иванъ Перфильевъ Шуминъ (Ivan Perfiliew Schoumin) изъ Вирмы ²⁸) (Wirma) рассказывали тогда Симону ванъ-Салингену, какъ они возбудили Корельскую войну послѣ взятія Новгорода и что вся земля отъ Новгорода на сѣверо-западъ ²⁹) до Двины (Wina) и на западъ-сѣверо-западъ ³⁰) до Выга (Wiga) вся была корельская и завоевана Москвитами, а земля отъ Выга, на сѣверо-западъ до Кандалакши, на сѣверъ вся принадлежала Норвегіи; какъ это подтверждалъ и Федоръ Циденова ³¹) (Feodor Zidenowa) изъ Кандалакши, слышій за русскаго философа, такъ какъ онъ написалъ исторію Корелии и Лапландіи, а также рискнулъ изобрѣсти письменна для корельскаго языка, на которомъ никогда не писалъ ни одинъ человекъ ³²). Такъ, онъ показывалъ мнѣ алфавитъ и рукопись,

Символь вѣры и Отче нашъ, а также, изложивши имъ самимъ испытанное и проч., онъ открыто заявилъ, что Лапландія принадлежала Норвегii, а Корелiя—Швецii. Они рассказывали мнѣ также, какъ святые мужи, Зосима и Савватiй (Jsossima und Savatea), построили на островѣ монастырь Соловки, съ разными прикрасами, которыя я счелъ за басню.

Они рассказывали мнѣ также, что, когда они завоевали Корелiю, короли Швецii и Норвегii еще разъ приходили съ 300 парусными судами, большими и малыми, яхтами и кораблями, и стали въ Нѣмецкомъ Становищѣ (Nemetskoj-Stanewitz), на островѣ Кузовѣ ³³⁾ (Kousowa, на которомъ находился еще въ ту пору старый замокъ, ими построенный, и что они тамъ долго пробыли, и что Богъ наказалъ шведовъ и норвежцевъ, что онъ ниспослалъ на нихъ такой дождь, туманъ и мракъ, что они стали почти какъ слѣпые. и что они дали большое сраженiе при Княжой губѣ ³⁴⁾ (Knejos-Sagguba), которая лежитъ въ заливѣ между Ковдой ³⁵⁾ (Kaudaka) и Кандалакшей (Kandalax), гдѣ были жестоко разбиты русскими князьями, отчего эта бухта и получила названiе Княжой губы (Kniaessa-Gubba) и проч. И послѣ того какъ это произошло, подъ Кузовымъ заключенъ былъ между русскими и шведами и норвежцами договоръ, что они уплывутъ на своихъ судахъ обратно, и какъ только договоръ состоялся, небо опять прояснилось надъ шведами и норвежцами. Впрочемъ, говорили также, что они должны были удалиться изъ-за недостатка въ провiантѣ, что съ того времени Корелiя мирно пребывала за великими князьями до тѣхъ поръ, пока король Янъ снова не началъ войны изъ-за Корелii.

Трифонъ (Triffaen) тоже рассказывалъ Симону ванъ-Салингену о томъ, какъ онъ началъ строить монастырь въ Монкенфортѣ, что побудило его къ этому, и какъ онъ до этого дошелъ и проч. Онъ былъ грознымъ для враговъ воиномъ, много народу ограбилъ и разорилъ онъ на границѣ и много крови пролилъ, въ чемъ раскаялся и о чемъ горько сожалѣлъ ³⁶⁾: поэтому, онъ поклялся не носить въ своей жизни полотна, рѣшилъ сдѣлать себѣ обручъ вокругъ пояса и (вдали) отъ всѣхъ людей, въ пустынѣ, среди дикихъ звѣрей каяться передъ Богомъ, не пить больше никакихъ хмѣльных напитковъ, не ѣсть больше мяса и т. п., и проч.; что для этого онъ въ одномъ мѣстѣ, вверхъ отъ Монкефорта (oben der Monkefort), построилъ небольшую келью ³⁷⁾ и взялъ съ собой иконы, передъ которыми молился Богу, прожилъ тамъ значительное время, вовсе не видя людей, не ѣлъ ничего, кромѣ рыбы, которую самъ ловилъ, и кореньевъ и ягодъ, которые собиралъ въ лѣсу. Молва объ его святой жизни распространилась въ другихъ мѣстахъ и его стало посѣщать много народа, прослышавшаго объ его кельѣ, построенной имъ въ пустынѣ. Такъ какъ они просили его о томъ, чтобы:

онъ построилъ тутъ церковь, гдѣ бы можно было совершать богослуженіе, то онъ выстроилъ небольшую часовню, куда пригласилъ чернаго попа, который служилъ ему обѣдню и проч., и тогда же надѣлъ онъ на себя клобукъ. Послѣ построения часовни его стало посѣщать еще больше народу. Въ общемъ, къ часовнѣ пріѣзжали и рыбаки и жертвовали рыбу въ пользу часовни; благодаря такимъ дарамъ построень былъ большой монастырь на одну милю пути ниже на рѣкѣ ³⁹). Рыбаки пріѣзжали также для постриженія

1565. когда ихъ постигала болѣзнь. Однако еще въ 1565г. монаховъ было всего около 20-ти и приблизительно 30 служекъ или монастырскихъ работниковъ. Но какъ колько туда стали приходить корабли, въ

1566—7. 1566 и 1567 г.г., тамъ появилось съ товарами много народу изъ Холмогоръ, Каргополя и Шун (Suyen), которые всѣ тоже жертвовали на украшеніе монастыря и на обращеніе и Лопарей въ

1572. русскую аѣру. Такъ что въ 1572 г., когда Симону ванъ-Салингену пришлось тамъ еще разъ зимовать

со своими судами, тамъ было около 50 монаховъ и около 200 бѣльцовъ (Bieltzen) или монастырскихъ работниковъ, и вторые всѣ были заняты постройкой церкви. Въ тотъ же годъ монахи получили изъ Москвы отъ Великаго Князя извѣщеніе, что Его Величество король датскій недоволенъ, что монахи здѣсь такъ прочно обстроились, и что Великій Князь

1573. весной 1573 года пришлетъ туда(людей) для разслѣдованія мѣстныхъ условій и установленія границы съ королевствомъ Норвежскимъ. Въ тѣ годы монахи уже заселили землю своими монастырскими людьми и предоставили имъ весь семужій ловъ въ губѣ отъ Киберга (Kierwags-Ness) до Варангеръ-фіорда (Warhanger Inwicht). Но когда въ 1573 году русскіе бояре или послы обревизовали Лапландію, а послы Его Величества короля датскаго ихъ не встрѣтили, то они положили границей Пазъ-рѣку ³⁹) (Paess-Reka) и всѣмъ русскимъ велѣли удалиться съ рѣки Полной ⁴⁰) (Polnoy-Reka), которую сдали обратно Норвежцамъ и проч.

И монастырь и вся торговля въ Лапландіи вскорѣ послѣ того стали съ каждымъ годомъ все больше и больше разрастаться, и во всѣхъ мѣстахъ Корелии сажился народъ, который по случаю войны, возникшей между шведами и русскими изъ-за Корелии, а также еще по причинѣ тираніи, господствовавшей въ то время въ Россіи, бѣжалъ изъ Россіи и Корелии и селился въ Лапландіи и проч.

Что касается Мальмуса, то когда антверпенскія

1565. суда впервые прибыли туда въ 1565 г., тамъ было не болѣе трехъ домовъ, о чемъ выше было упомянуто, и проч. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1566 г., при-

1566. шли суда, съ которыми прибылъ самъ Симонъ ванъ-

1567. Салингенъ. Въ 1567 г. вновь прибылъ тотъ шкиперъ, который служилъ вышеупомянутой компаніи, образовавшей теперь отдѣльное общество. Въ 1568 г. всѣ суда большей частью не явились по случаю происходившаго тогда изъ-за парламента между Испаніей и англичанами столкновенія, которое затѣялъ съ Англіей герцогъ Альба ⁴¹⁾, но русскіе съ большимъ количествомъ товаровъ проходили изъ Россіи въ Лапландію и проч.

1569. Въ 1565 г. явились туда и голландцы изъ Энкгюйзена, а въ Суму также судно изъ Бергена, которые (т. е. голландцы и бергенцы) набрали всѣхъ штурмановъ изъ матросовъ первой названной компаніи, такъ что тѣ, которые

1570. были боцманами, сдѣлались теперь штурманами. Въ 1570 г. на энкгюйзенскомъ суднѣ прибыли итальянцы, а кромѣ того суда изъ разныхъ мѣстъ. Симонъ же ванъ-Салингенъ съ однимъ судномъ и Мартинъ Клауссенъ изъ Энкгюйзена въ первый разъ плавали въ Корельское море къ Соловкамъ, Кузову, Шуъ (Suuen) и Сумѣ (Soenna). Итальянцы прибыли въ Соловки со многими ремесленниками, художниками и проч., оттуда отправились въ Онегу, а затѣмъ выѣхали въ Москву. Когда Симонъ ванъ-Салингенъ совершалъ первую поѣздку изъ Сумы съ Корельской стороны въ лодкѣ вдоль берега и кругомъ Лапландіи, онъ во всѣхъ гаваняхъ измѣрилъ глубины, поставилъ вѣхи, опредѣлилъ разстояніе мѣстъ по ихъ широтѣ и долготѣ и опредѣлилъ высоты полюса, онъ измѣрялъ глубины гаваней и опредѣлялъ теченія до Онеги и слѣдуя вдоль Сумы, Шуи, Кеми (Kemi), Керсти, Ковды (Kaudaka), Порьи-губы ⁴²⁾, Умбы ⁴³⁾, Кашкаранцевъ ⁴⁴⁾ (Kassezanzi), Варзуги, Лѣснаго или Крестоваго острова ⁴⁵⁾ (Holz- oder Cross-Eiland), Терскаго Носа (?) (Trehe Ness), Трехъ острововъ (Trehe-Oeyne), Орлова Носа (Adeler-Ness), Святаго Носа (Hilgen-Ness), Иванова мыса (Sanct Jans Ness), Нокуева (Nokou), Семи острововъ ⁴⁶⁾ и проч. до Кильдина и оттуда до Мальмуса и проч.

Всякій годъ земли все гуще заселялись, мореплаваніе также развивалось, отчего всѣ товары вздорожали, и Симонъ ванъ-Салингенъ занялся торговлей въ Корельскомъ морѣ, а также въ Варзугѣ, Умбѣ, гавани Терскаго носа, Нокусевѣ

1581. и другихъ мѣстахъ. Изъ все это время до 1581 г. не появлялось въ Мальмусѣ ни бояръ русскихъ, ни сборщиковъ ни десятинной ни таможенной пошлины.

1568. Но въ 1568 г., когда началась опричина (Aufgrissung), жители Холмогоръ, принадлежавшіе къ опричинѣ (Ufgrissung) Великаго Князя, пожаловались Великому Князю на то, что жители Варзуги завладѣли ихъ вотчиной, отчего произошелъ раздоръ, описывать который здѣсь нѣтъ надобности или было бы слишкомъ долго. Тогда изъ Москвы былъ отправленъ нѣкто по имени Басарга Федоровичъ ⁴⁷⁾ (Bassarga Feodorowitz), съ нѣсколькими дворянами

и челядью оштрафовать вмѣстѣ съ варзужанами деревни Шую (Suyen), Кемь (Kieni), Кереть, Кандалакшу и Умбу за то, что они не предупредили раздора, происшедшаго между жителями Холмогоръ и варзужанами, и упомянутой Басарга собралъ нѣсколько тысячъ рублей съ вышеназванныхъ деревень.

До этого времени и въ Лапландіи не было бояръ, а страной управляли сборщики податей, какъ то: Василій Алексѣевъ (Wasilli Alexei), Василій Коровинъ ⁴⁸⁾ (Wassillie Cогowin) въ Кандалакшѣ, Давидъ Каницъ (David Canize), послѣ нихъ Нечей Попой ⁴⁹⁾ (Nezey Parroy), Юрій Ури (Jürg Ouri), затѣмъ Митрофанъ Кукинъ ⁵⁰⁾ (Mitrofan Koukin) и проч. и другіе, которые дѣлали Андрею Щелка-

лову (Andreass Csolkan) самые большіе дары или подарки, были сборщиками податей въ Лапландіи. Въ 1582 г. въ Мальмусъ явился первый бояринъ Аверкій Ивановичъ (Opvierko Juannowitz) и устроилъ тамъ для норвежцевъ гостинный дворъ, поставилъ вѣсы съ норвежскими гирями, сталъ собирать со всего десятину и ввелъ другія усовершенствованія.

1588. Въ 1588 г. былъ построенъ въ Мальмусѣ Максимомъ Федоровичемъ (Махака Feodorowitsch)

1584. первый острогъ, или брустверь. Въ 1584 г. они хвастались, что подданные Его Величества короля датскаго здѣсь болѣе уже самовольно не строятся и проч. И такимъ образомъ, какъ сообщали другіе,

1588. которые плавали туда съ 1588 г. послѣ Симона ванъ-Салингена, бояре съ 1588 г. все болѣе и болѣе усиливались и проникали въ Лапландію.

Примѣчанія.

¹⁾ Т. е. Ooltgensplaat — небольшое мѣстечко на восточномъ концѣ острова Over Flakkee, находящемся у впаденія Рейна въ Нѣмецкое море, въ нидерландской провинціи Зеландіи,—нынѣ укрѣпленное фортами.

²⁾ Имя Эрика Мунка не безъизвѣстно въ исторіи. Онъ былъ искуснымъ морякомъ и неустрашимымъ воиномъ, но въ то же время человѣкомъ жестокаго и грубаго характера, оставившимъ по себѣ въ обществѣ недобрую память. Благодаря своимъ важнымъ заслугамъ въ сѣверной Семилѣтней войнѣ, онъ сумѣлъ, несмотря на явныя свои преступленія и грубое поправленіе права, въ теченіе долгаго времени оставаться въ милости у короля Фридерика II и, не будучи дворяниномъ, занималъ дворянскія должности. Такъ, по окончаніи войны онъ былъ назначенъ фогтомъ крѣпости (Slotsfoged) Вардегусъ а послѣ того какъ подъ главнымъ начальствомъ Розенкранца отразилъ нападеніе шведовъ на Дронтегемъ, получилъ значительный ленъ на югѣ Норвегіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1580 г., король пожаловалъ его въ дворянское достоинство. Это событіе было кульминационнымъ пунктомъ въ жизни Эрика Мунка; вскорѣ послѣ того, добрыхъ

отношенія между нимъ и королемъ нарушились. Какъ ленный владѣлецъ, Эрикъ Мункъ былъ жаденъ и тиранилъ подвластное ему населеніе: онъ выгонялъ крестьянъ со дворовъ, бралъ съ нихъ незаконные поборы, налагалъ принудительныя работы, стараясь при этомъ съ помощью низшихъ чиновниковъ, состоявшихъ у него на жалованьи, легализовать свое поведеніе. Словомъ, онъ велъ себя какъ турецкій паша. Онъ не пощадилъ и королевскаго имущества, вырубивъ и продавъ въ свою пользу лѣса своего лена; такъ какъ даже и частная его жизнь носила далеко не безобидный характеръ (его обвиняли даже въ убійствѣ), то въ концѣ концовъ онъ попалъ подъ судъ. Еще въ 1572 г. король Фридерикъ II посылалъ ревизовать его дѣйствія, но тогда Эрику Мунку удалось отклонить грозившую ему опасность обѣщаніемъ осуществить любимую мечту короля — отыскать Гренландію. Наконецъ, 30 Сентября 1585 г. лень былъ у него отобранъ и назначена комиссія для разслѣдованія его поведенія. Участь его была рѣшена. Его привезли въ Копенгагенъ, конфисковали его имущество и, какъ государственнаго преступника, заключили въ замокъ Драгсгольмъ, гдѣ онъ на другой годъ и умеръ. Даемъ эту характеристику Эрика Мунка съ цѣлью хоть уяснить нѣсколько, какого рода отношенія могли существовать между нимъ и Винтерконингомъ и какого родъ независимыя обстоятельства могли принудить послѣдняго оставить службу у Мунка. Всѣ подробности почерпнуты нами изъ двухъ весьма интересныхъ изданій: 1) *En Dansk Polarexpedition i det 17 Aarhundrade. Jens Munk's Navigatio Septentrionalis, paa ny udgiven af P. Lauridsen. Kjöbenhavn. 1883* и 2) *The Expedition of Jens Munk to Hudson Bay, edit. for the Hakluyt Society by Gosch, London 1897.* Обѣ книги повѣствуютъ объ Эрикѣ Мункѣ лишь попутно, такъ какъ посвящены собственно описанію путешествія его сына, Яна Мунка, на поиски сѣверозападнаго прохода въ Индію черезъ Гудзоновъ заливъ. Пользуемся случаемъ, чтобы привести о жизни этого послѣдняго нѣсколько данныхъ, имѣющихъ интересъ для исторіи нашего сѣвера. Въ 1609 г. Янъ Мункъ въ компаніи съ однимъ копенгагенскимъ купцомъ пытался проникнуть съ промысловой цѣлью къ Новой Землѣ, но потерпѣлъ крушеніе у о. Колгуева (Lauridsen, s. XIV; Gosch, p. XV), при чемъ остатки его судна были найдены два года спустя русскими промышленниками (см. Русская Историческая Библиотека, т. II, стр. 1055); въ 1610 г. его посылалъ къ Новой Землѣ съ двумя кораблями „Angelbrand“ и „Ryttere“ король Христіанъ IV, но изъ-за льда онъ принужденъ былъ вернуться, далеко не достигнувъ цѣли. (Lauridsen s. XV, Gosch. XVII) Въ 1614 г. ему поручено было отвезти въ Колу русскаго посла князя Ивана Михайловича Барятинскаго съ дьякомъ Гаврилой Богдановымъ (Lauridsen, s. XVI, *Büschings Magazin* t. VII, s. 321), а въ 1623 г. онъ командовалъ флотиліей изъ 4-хъ судовъ, посланной королемъ Христіаномъ IV съ требованіемъ, отъ кольскаго воеводы вознагражденія за отобраніе имъ имущества одной датской торговой компаніи; результатомъ этой экспедиціи Яна Мунка была конфискація кольской казны, простиравшейся на сумму 54.000 руб. (Lauridsen, s. XLIV, *Büschings Magazin*, t. VII, s. 328). Веденный Яномъ Мункомъ дневникъ этой „карательной“ экспедиціи, переплетенный въ одну тетрадку съ рукописью его *Navigatio Septentrionalis*, еще не изданъ и хранится, по словамъ Лауридсена, въ отдѣленіи манускриптовъ Копенгагенской Университетской Библиотеки. *Additament. № 184.*

³⁾ Т. е. Варде, городъ, находящійся на сѣверѣ Норвегіи и славущій у нашихъ поморовъ подъ именемъ Варгаева.

⁴⁾ Въ Бельгіи имѣются два Мехельна: одинъ значительный городъ (до 75.000 жит.) въ провинціи г. Антверпена на одномъ изъ притоковъ Шельды, второй же, небольшое мѣстечко, въ Лимбургѣ, у береговъ Мааса. Въ текстѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о первомъ.

⁵⁾ Это — не кто иной какъ препод. Трифонъ Печенгскій.

6) Т. е. Munkenfjord, что значить по датски „монашескій фіордъ“; это очевидно не что иное, какъ Печенгская губа. Еще на сравнительно недавнихъ картахъ Мурманскаго берега, напр. на картѣ Оппермана (по словамъ Огородникова, въ его статьѣ „Мурманскій и Терскій берега по книгѣ Большаго Чертежа“, помѣщ. въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по Отд. Этн. т. II, 1868 г.) на мѣстѣ Печенгской губы стояло названіе „Мункьефьердъ“.

7) Городъ Энкюйзенъ стоитъ у входа въ Зюдерзее.

8) Губернаторами этими или штатгальтерами (Stadthouder), состоявшими при регентшѣ, герцогинѣ Маргаритѣ Пармской, правившей Нидерландами съ 1559 по 1567 г., были: графъ Эгмонтъ для провинціи Фландріи и Артуа, принцъ Оранскій для Голландіи, Зеландіи и Утрехта и т. д. (см. Мотлей, Исторія Нидерландской революціи, ч. I, гл. III).

9) Т. е. къ монастырю Св. Николая на устьѣ Двины, гдѣ впоследствии (въ 1584 г.) былъ основанъ Архангельскъ.

10) Островъ Кильдинъ, у Мурманскаго берега, невдалекѣ отъ Кольской губы.

11) Въ этой бухтѣ или губѣ расположено въ настоящее время самое большое становище мурманскихъ промышленниковъ и колонія „столица Мурмана“, Териберка.

12) Не можемъ не обратить вниманія на то, что Салнягенъ всегда пишетъ Colmogog, а не Cholmogog. И дѣйствительно, мы знаемъ, что написаніе Холмогоры неправильно. что это село называлось Колмогоры.

13) Такъ называли въ старину Колу датчане и норвежцы (см. Väsching Magazin, t. VII, s. 308), которые первоначально были тамъ хозяевами. Настоящее же свое названіе Кола получила отъ имени рѣки, при устьѣ которой оно стоитъ. повидимому не ранѣе 1582 г., когда, какъ увидимъ ниже, туда былъ присланъ изъ Москвы первый воевода.

14) Это показаніе чрезвычайно важно, такъ какъ, давая точную цифру домовъ въ Колѣ въ описываемое время, оно устраняетъ преувеличенное мнѣніе о тогдашнихъ размѣрахъ этого поселка (впослѣдствіи города), составленное на основаніи неправильнаго (какъ мы сей часъ постараемся доказать) пониманія словъ одного англійскаго путешественника. Этотъ послѣдній, а именно Стефанъ Бурро, будучи посланъ изъ Лондона въ 1556 г. т. е. за десять лѣтъ до посѣщенія Колы голландцами, для отысканія морскаго пути къ устьямъ Оби, останавливался, по его словамъ, во время своего плаванія въ устьѣ рѣки Колы (river Cola). Онъ подробно описываетъ, какъ здѣсь онъ встрѣтилъ цѣлую флотилію русскихъ судовъ, направлявшихся изъ р. Колы на сѣверъ для моржоваго промысла и какъ потомъ русскіе руководили англичанами въ ихъ дальнѣйшемъ плаваніи къ устьямъ Оби. Изъ описанія Бурро выводятъ обыкновенно заключеніе, что, стало быть, уже въ то время Кола была достаточно густо заселена, если могла высылать десятки судовъ на промыселъ. Внимательное изученіе текста дневника Бурро (Hakluyt, The Principal Navigations, ed. Goldsmid, Edinburg, 1886, vol III, part III, p. 120—124) легко однако открываетъ ошибку подобнаго толкованія. Во первыхъ, широта данная Стефаномъ Бурро для устья его р. Колы, 65° 48' неподходитъ къ широтѣ настоящаго устья р. Колы, лежащаго подъ 66° 51'. „Вѣроятно это опечатка“, говоритъ Литке (Четырехкратное Путешествіе въ Ледовитый Океанъ, СПб., 1828, ч. I, стр. 17), „въ противномъ же случаѣ сіе опредѣленіе подаютъ не слишкомъ выгодное мнѣніе объ искусствѣ Бурро, который ошибся болѣе, чѣмъ на 3 градуса. Тоже самое повторяетъ и Норденшельдъ (Путешествіе вокругъ Европы и Азии, СПб., 1881, стр. 209). По нашему же мнѣнію „это даетъ невыгодное мнѣніе“ лишь о подобномъ толкованіи текста Бурро, который всѣ другія свои опредѣленія дѣлалъ, по свидѣтельству самого Литке, необыкновенно точно для своего времени, ошибаясь въ опредѣленіи широты не болѣе, какъ на 5—6 минутъ. Во вторыхъ, р. Кола несудоходна, загромождена карчами и по-

рогами, доступна лишь для мелкосидящихъ шлюпокъ, а потому по ней не могли спускаться морскія 20-ти весельныя суда, какія описываетъ Бурро. Въ третьихъ, жители Колы, имѣющіе подъ бокомъ у себя, богатые тресковые и акульи промыслы, никогда, а тѣмъ болѣе при самомъ возникновеніи поселенія не имѣли надобности заниматься боемъ моржей, для котораго должны бы были ходить по меньшей мѣрѣ къ горлу Бѣлаго моря. Все это доказываетъ, что рѣка Кола, видѣнная Бурро, не тождественна съ настоящей Колой. Но тогда о какой же Колѣ онъ говоритъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ стоитъ только посмотрѣть на картѣ, устье какой рѣки съ подходящимъ названіемъ лежитъ приблизительно подъ указанной Бурро широтой (долгота у него не указана). Мы безъ труда найдемъ, при такихъ условіяхъ, устье рѣки Кулоя, обширной водной артеріи, съ глубокимъ устьемъ, лежащей при томъ въ области, гдѣ и по сіе время главнымъ занятіемъ жителей является моржовый промыселъ. Наша догадка, что Кола Стефана Бурро есть не что иное, какъ р. Кулой, подтверждается извѣстіемъ, что р. Кулой прежде называлась Колой (Бѣляевъ, „Географическія свѣдѣнія въ древней Россіи“, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. VI, 1852, стр. 249). Изъ этого слѣдуетъ, что извѣстіе Салингена является первымъ извѣстіемъ о Колѣ, какъ о поселеніи, которое, слѣдоват., даже въ 1565 году только начало формироваться.

¹⁴⁾ Вѣроятно Веснинъ.

¹⁵⁾ Изъ описанія не вполне ясно, существовалъ-ли монастырь Петра и Павла уже при первомъ появленіи въ Колѣ голландцевъ въ 1565 г. или же онъ возникъ только впоследствии. Первое предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, вотъ почему. Князь А. М. Курбскій въ VIII гл. своей исторіи Іоанна Грознаго (см. Сказанія князя Курбскаго, изд. Устрялова, Спб. 1842 г.) повѣствуя о своемъ духовникѣ, знаменитомъ просвѣтителѣ Лопарей, Θεодоритѣ, говоритъ между прочимъ: „на устїи Колы рѣки созидаетъ онъ (Θеодоритъ) монастырь и въ немъ постановляетъ церковь во имя Пребезначальныя Троицы“. Время основанія монастыря у Курбскаго не указано, но его можно приблизительно установить слѣдующимъ окольнымъ путемъ. Θεодоритъ до своегоотправленія въ Лапландію, странствуя по разнымъ монастырямъ, пришелъ однажды, по показанію Курбскаго „въ Кирилловъ Великій монастырь“, а оттуда „изыде въ пустыни тамошнія и обрѣте тамо божественнаго Порфирія, бывша уже игумена Сергіевы обители, много страдавша мученьми и тяжкими оковами отъ князя великаго“ (Василія Іоанновича, отца Іоанна Грознаго). Затѣмъ Курбскій подробно рассказываетъ (не указывая года) о томъ, какъ на свято Великаго Пантїкостія (Троицынъ день) случилось великому князю прїѣхать въ оный Сергіевъ монастырь, какъ игумень Порфирій сталъ просить его объ освобожденіи удѣльнаго князя Василія Шемячича, незадолго передъ тѣмъ заключеннаго въ темницу, какъ великій князь разсердился и повелѣлъ изгнать Порфирія изъ обители, какъ Порфирій совелкъ съ себя одежды игуменскія и съ радостію въ свою пустыню, отъ юности ему вождельнную потече, какъ потомъ его вытребовали въ Москву, пытали и наконецъ снова отпустили въ его пустыню. Устряловъ въ прим. 205 упомянутаго своего изданія, и Строевъ въ своемъ спискѣ іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви на стр. 138, оба согласно утверждаютъ, что Порфирій оставилъ игуменство Троице-Сергіевой Лавры въ сентябрѣ 1525 г. Подъ словами „оставилъ игуменство“ надо понимать очевидно вторичное, окончательное удаленіе его въ пустыню послѣ пытокъ; первое же его удаленіе произошло, слѣдовательно 4 іюня 1525 г. Правильность всѣхъ этихъ датъ правда, нуждается въ провѣркѣ, такъ какъ по словамъ Горскаго, на стр. 79 Историческаго описанія Св. Троице-Сергіевой Лавры, уже въ январѣ 1525 г. на мѣсто Порфирія былъ назначенъ Арсеній Сахарусовъ, но во всякомъ случаѣ разногласіе не большое и для нашей цѣли не важное. Итакъ, въ 1524 или въ 1525 г. Порфирій былъ уже

въ пустынѣ и, слѣдоват., съ нимъ могъ встрѣтиться Феодоритъ. Послѣ этой встрѣчи, Феодоритъ пробылъ въ пустынѣ, по словамъ Курбскаго, „аки четыре лѣта“, потомъ отправился въ Соловки, вызванный своимъ наставникомъ, старцемъ Зосимою (не смѣшивать съ соименнымъ ему основателемъ Соловецкаго монастыря), пробылъ тамъ „ажъ до его смерти, аки лѣто едино или менѣе“, и схоронивши его, прямо направился въ Лапландію. Словомъ, отъ встрѣчи съ Порфиріемъ до отправленія Феодорита въ Лапландію прошло около пяти лѣтъ, а слѣдоват. въ Лапландію послѣдній попалъ никакъ не ранѣе 1530 года. Черезъ сколько времени послѣ своего водворенія въ Лапландію построилъ Феодоритъ въ Колѣ монастырь, этого точно установить по сбивчивымъ показаніямъ Курбскаго, невозможно. Но несомнѣнно, что это состоялось еще въ бытность Макарія архіепископомъ Новгородскимъ, т. е. не позже 1542 г. (по даннымъ Голубинскаго, *Исторія Русской Церкви*, т. II, первая половина, стр. 763, Макарій былъ поставленъ 19 марта 1542 г. въ митрополиты московскіе), ибо Курбскій говоритъ, что, пробывши значительное время въ пустынѣ Феодоритъ возвращается въ Новгородъ, поставляется отъ Макарія архіепископа пресвитеромъ... по-потомъ бываетъ самому архіепископу духовникомъ... паки по двухъ лѣтахъ потомъ возвращается въ пустыню и тогда то строитъ упомянутый монастырь. Итакъ, Троицкій Кольскій монастырь былъ построенъ Феодоритомъ между 1530 и 1542 г. Феодоритъ, какъ сообщаетъ Курбскій далѣе, оставялъ черезъ нѣсколько лѣтъ свой монастырь изъ-за несогласій съ братією; 30 января 1557 г. онъ былъ посланъ въ Константинополь съ порученіемъ къ патриарху (Голубинскій, *ibid.*, стр. 845) и, пробывши тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, поселился по возвращеніи близъ Вологды въ Прилуцкомъ монастырѣ, откуда до 1563 г. (Курбскій говоритъ „при инѣ“, т. е. до бѣгства Курбскаго изъ Россіи, которое произошло въ 1563 г.) „двукратъ въздыше“ навѣщать основанную имъ обитель. Итакъ, еще въ 1563 г. монастырь, основанный въ Колѣ Феодоритомъ лѣтъ за 20 передъ тѣмъ, еще существовалъ. Есть полное вѣроятіе думать, что онъ продолжалъ существовать и два года спустя, т. е. въ 1565 году, когда Колу въ первый разъ посѣтили Голландцы. Но почему же монастырь названъ у Салингена „монастыремъ Петра и Павла“, а его „строителемъ“ не Феодоритъ, а какой-то Сергій Веснинъ? На первый вопросъ, присоединяясь къ мнѣнію Голубинскаго (*ibid.*, стр. 860, прим.), который, впрочемъ, ничего не знаетъ о показаніи Салингена, считаемъ вѣроятнымъ что Курбскій смѣшалъ рассказъ о построеніи Кольскаго монастыря съ рассказомъ о построеніи Печенгскаго, гдѣ дѣйствительно первая церковь была освящена во имя Живоначальныя Троицы. Косвенное доказательство, что монастырь Кольскій былъ построенъ во имя Петра и Павла, видимъ мы въ томъ, что въ Колѣ въ то время по словамъ Флетчера (*Hakluyt, The Principal Navigations ed. by Goldsmid, 1887, vol. IV, part VI, p. 258*, а также Середонинъ, *Сочиненіе Джильса Флетчера, какъ историческій источникъ*, Спб., 1891, стр. 140 и прим.) ежегодно бывала ярмарка въ Петровъ день (they hold their mart at Cola on S.-Petersday), а ярмарки у насъ вѣдь обыкновенно приурочиваются къ храмовымъ праздникамъ. Что касается второго возраженія, то по нашему мнѣнію слово „строитель“ надо понимать въ смыслѣ не основателя, а въ томъ смыслѣ, что Семенъ Веснинъ послѣ своего постриженія въ монахи получилъ должность строителя, должность, существующую и въ настоящее время во всѣхъ монастырскихъ подворьяхъ, и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, гдѣ „строитель“ либо занимаетъ среднее мѣсто между игуменъ и келаремъ, либо замѣняетъ собою игумена. Желаящихъ подробнѣе ознакомиться съ функціями „строителя“ отсылаемъ къ статьѣ Успенскаго, *О строителяхъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, помѣщенной въ Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн. Росс. за годы 1897.*

¹⁷⁾ Слово Alexei мы считаемъ себя вправѣ переводить „Алексѣевъ“, а не Алексѣй, потому что въ текстѣ документа, какъ въ данномъ

мѣстѣ, такъ и ниже, слова Wassilie Alexei не отдѣлены запятой и по-видимому относятся къ одному лицу.

¹⁸⁾ Каницъ—старинная дворянская фамилія (см. Сборникъ Русск. Истор. Общ., т. 60).

¹⁹⁾ Кандалакша, село Архангельской губ. (67°07' сѣв. шир. и 32°26' вост. долг. отъ Гринича) съ двумя церквами, изъ коихъ одна стоитъ на мѣстѣ бывшаго здѣсь Кокова (Кокуева) монастыря, основаннаго Ѳеодоритомъ Кольскимъ. (Островскій, Путеводитель по Сѣв. Россіи Спб. 1898, стр. 78).

²⁰⁾ Кибергъ, мысъ съ губою того же имени, лежащій въ одной географической милѣ отъ Варде и ограничивающій входъ въ Варангеръ-фіордъ съ запада, находится въ настоящее время на норвежской территоріи. Губу Кибергъ русскіе поморы зовутъ „Подъ Биркой“ и посѣщаютъ ее весной для промысловъ на столько охотно, что здѣсь содержится отдѣлъ русскаго Краснаго Креста съ фельдшеромъ и сестрою милосердія, для оказанія врачебной помощи промышленникамъ. (Островскій, *ibid*, 110).

²¹⁾ Кереть въ настоящее время крупный административный центръ Корелии. Въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается, какъ погостъ, въ 1542 г. по случаю бывшаго въ томъ году землетрясенія, охватившаго область отъ Керети до Умбы (Островскій, *ibid*, 77).

²²⁾ Кемь—уѣздный городъ Арханг. губ.; въ XV в. Кемь была волостью Марфы Борецкой, а потомъ Соловецкаго монастыря (Островскій, *ibid*, 74).

²³⁾ Въ с. Шуѣ до настоящаго времени сохранились двѣ интересныя деревянныя церкви XVII столѣтія въ почти нетронутomъ видѣ (Островскій, *ibid*, 73).

²⁴⁾ На другой годъ послѣ свиданія съ Симонсеномъ и Салингеномъ, Степанъ Твердиковъ, какъ человекъ бывалый за границей, былъ посланъ царемъ Іоанномъ Грознымъ, вмѣстѣ съ другимъ купцомъ, Ѳеодоромъ Погорѣлымъ, въ Лондонъ, съ порученіемъ перемѣнить пушной товаръ на драгоценныя камни и другіе предметы роскоши для царской казны. Объ этомъ см. у Гамеля (Англичане въ Россіи въ XVI и XVII столѣтія, стр. 80—81), гдѣ помѣщенъ интересный текстъ грамоты, которою снабжены были упомянутые посланцы, бывшіе первыми русскими купцами, повидавшими Лондонъ.

²⁵⁾ Сума нынѣ извѣстна болѣе подъ именемъ Сумскаго посада. Подобно сему она была подарена Марфой Борецкой Соловецкому монастырю, который въ XVII в. построилъ здѣсь деревянный острогъ, одна изъ башенъ коего, обращенная въ колокольню, сохранилась и понынѣ (Островскій, *ibid*, 72).

²⁶⁾ Вѣроятно Поцѣлуевъ.

²⁷⁾ Быть можетъ, Василій Ѳеодоровичъ.

²⁸⁾ Не имѣя подъ руками подробной карты, не можемъ указать мѣстонахожденія этого поселка.

²⁹⁾ Здѣсь въ текстѣ очевидно опішка; надо читать „сѣверо-востокъ“.

³⁰⁾ Т. е. востоко-сѣверо-востокъ.

³¹⁾ Вѣроятно, Чудиновъ или Жеденовъ.

³²⁾ Свѣдѣнія отъ этихъ корельскихъ письменахъ особенно любопытны потому, что ихъ можно сопоставить съ данными о пермскихъ письменахъ, изобрѣтенныхъ Св. Стефаномъ Пермскимъ (Шестаковъ, Св. Стефанъ Первосвятитель Пермскій, Учен. Зап. Имп. Каз. Унив. 1868; онъ же, Чтеніе древнѣйшей Зырянской надписи, Журн. Мин. Нар. Просв., 1871; Некрасовъ, Пермскія письма въ рукописяхъ XV вѣка, Одесса 1890; Лыткинъ, Зырянскій край, 1889).

³³⁾ Крутыя скалы этого острова, лежащаго недалеко отъ входа въ Кемскую губу, поднимаются до высоты 50 саж. (Островскій, *ibid*, 73).

³⁴⁾ Княжая губа лежитъ почти посрединѣ разстоянія между Кандалакшей и Ковдой.

³⁵⁾ Ковда—нынѣ небольшая деревня въ 66 дворовъ.

³⁶⁾ Въ житіи преподобн. Трифона, изданномъ (не вполне) съ рукописи, хранящейся подъ № 188 въ Соловецкой Библиотекѣ Казанской Духовной Академіи, въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1859 г., май, стр. 89—120, рассказывается по шаблону, что Трифонъ съ юныхъ лѣтъ жилъ благочестиво и стремился къ пустынножительству. Кстати, прибавимъ, что второй списокъ указанной рукописи находится въ архивѣ Архангельской Семинаріи (см. Викторовъ, Описание рукописныхъ собраній въ книгохранилищахъ Сѣверной Россіи, СПб., 1890, стр. 41), а третій хранится въ самомъ Печенгскомъ монастырѣ (Островскій, *ibid.*, стр. 107).

³⁷⁾ Здѣсь была впоследствии построена церковь Успенія Божьей Матери и здѣсь же погребенъ былъ Трифонъ (Огородниковъ, Мурманскій и Терскій берега, стр. 54). На этомъ мѣстѣ стоитъ нынѣ возобновленный Печенгскій монастырь.

³⁸⁾ Сюда намѣреваются перенести монастырь и теперь.

³⁹⁾ Пазь-рѣка и въ настоящее время служитъ границею между Россіей и Норвегіей, съ тою лишь разницей, что отъ устья этой рѣки граница поворачиваетъ на востокъ до р. Ворьемы и потомъ уже по этой послѣдней доходитъ до моря, отрѣзая отъ русской территоріи лучшія гавани Варангеръ-фіорда. Граница въ современныхъ своихъ очертаніяхъ существуетъ съ 1826 года.

⁴⁰⁾ Кажется, это была одна изъ семи рѣкъ, которыя, по словамъ нашихъ лѣтописей, жители Двины завоевали у норвежцевъ въ 1496 году.

⁴¹⁾ На самомъ дѣлѣ столкновение между королевой Елизаветой и герцогомъ Альбой, правившемъ тогда (1567—1573) Нидерландами, произошло не изъ-за парламента, а изъ-за того, что королева подъ благовиднымъ предлогомъ конфисковала въ свою пользу грузъ нѣсколькихъ испанскихъ кораблей, везшихъ значительную сумму денегъ для герцога Альбы и укрывшихся въ одной англійской гавани отъ преслѣдованія пиратовъ.

⁴²⁾ Порья-губа—на Терскомъ берегу.

⁴³⁾ Умба находится въ 1½ версты отъ Порьей губы.

⁴⁴⁾ Кашкаранцы тоже были вотчиной Марьи Посадницы, которая подарила ее въ 1470 г. преп. Зосимъ (Ключевскій, Хозяйственная дѣятельн. Соловецк. монаст., Московск. Унив. Извѣстія 1866—7, № 7, стр. 552).

⁴⁵⁾ Т. е. островъ Сосновецъ; названіе Cross-Island дано было ему Стефаномъ Бурро (Hakluyt, *loc. cit.*, vol. III, part IV, p. 153).

⁴⁶⁾ Все это—пункты, имѣющіеся и на нынѣшнихъ картахъ Мурманскаго и Терскаго береговъ Лапландіи.

⁴⁷⁾ Имя Басарга не чуждо для исторіи нашей письменности (см. Памятники Стар. Русской. Литер., изд. графомъ Купчелевымъ-Безбородко, СПб., 1860, Повѣсть о Дмитріи, Кіевскомъ купцѣ и его сынѣ, стр. 351 и слѣд).

⁴⁸⁾ Стефанъ Бурро, розыскивая въ 1557 г. пропавшіе было 3 англійскихъ торговыхъ судна, встрѣтилъ на Мурманскомъ берегу (именно у м. Кекурскаго, на Рыбачьемъ полуостровѣ) русскаго сборщика дани (the Russie deputie) по имени Vasilie Pheodorovich (Hakluyt, *ibid.*, vol III, part. III, p. 162). Почти несомнѣнно, что этотъ Василій Феодоровичъ тождественъ либо съ Васиціемъ Алексѣевымъ, либо Васиціемъ Коровинымъ, упоминаемыми у Салянгена.

⁴⁹⁾ Вѣроятно, Поповъ.

⁵⁰⁾ Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1675 г., перечисляющей старинныя угодья Печенгскаго монастыря, говорится, что нѣкогда Печенгскому монастырю „былъ данъ вкладъ въ монастырь отъ Митрофана Кукина лукъ угодья промежь волостныхъ людей“ (Акты Истор. IV, 550, а также Огородниковъ, Мурманскій и Терскій берега, стр. 26).